

**КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ И СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
(на материалах Тамбовской губернии)**

В.Б. Безгин, П.В. Ерин

*Кафедра «История и философия», ФГБОУ ВПО «ТГТУ»;
vladyka62@mail.ru*

Представлена членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым

Ключевые слова и фразы: деревня; двор; крестьяне; община; отхожий промысел; повседневность; семейный раздел; сход.

Аннотация: Дан анализ состояния сельского самоуправления русской деревни в конце XIX – начале XX в. Раскрыто содержание социальных функций сельской общины. Изучено влияние процесса хозяйственных разделов на повседневность крестьянской семьи.

Две формы, где крестьянская повседневность проявлялась наиболее зримо, были сельская община и семья. Эти традиционные институты аграрного общества и определяли содержание обыденности русского села. Вполне закономерно, что модернизация конца XIX – начала XX в. в России затронула в первую очередь сельское самоуправление и семейный быт крестьян. Выяснению характера перемен в общинных устоях, семейном укладе русского села и посвящено это исследование. В его основе широкий круг архивных источников, преимущественно ранее не использованных. Тамбовская деревня взята в качестве объекта исследования, как регион типично аграрный, с преобладанием крестьянского населения и ярко выраженными общинными традициями. Научная новизна работы заключена в том, что изучение повседневной жизни русского села не велось посредством анализа взаимоотношения общинного самоуправления и крестьянской семьи.

Ведя речь об общине, крестьяне обычно употребляли термин «мир», имея в виду орган, исторически соединивший в себе и правотворческие, и исполнительные функции. Крестьянский мир и выражал мнение общины, и одновременно корректировал его в соответствии с нормами обычного права. Решение общественных дел миром – бытовая черта русского народа, и, как явление бытовое, оно с трудом поддавалось правительственной регламентации. Как ни кратки относящиеся до сельского схода установления законодательства, но и эта скромная попытка закона наложить свою печать на свободное творчество народной жизни не всегда могла быть выдержана на практике.

Местные обычаи и традиции играли в практике сходов преобладающую роль. Обыкновенно на сход от каждой семьи приходило одно лицо, так что многодушные дворы не пользовались предоставленным им законом правом посылать нескольких представителей. Безземельные крестьяне, а также лица, выкупившие свои участки с фактическим выделом из мирской земли, или совсем устранились

от участия в сходах или пользовались на них правом голоса только по делам, не касающимся землепользования. Крестьяне, находящиеся под следствием или судом за важные преступления или отданные по судебному решению под надзор общества, по закону были лишены права участвовать на сходе, на деле же часто на них допускались наравне с другими [5, Л. 4].

Участие в сходе крестьяне воспринимали не только как свое право, но и как обязанность. Селяне сознавали, что именно от них зависит решение принципиально важных вопросов жизнедеятельности общины. Активность общинников зависела от вопросов, которые выносились на обсуждение, некоторые из них не вызывали у сельчан энтузиазма. Так, в Елатомском уезде Тамбовской губернии, по наблюдениям местного жителя, «крестьяне неохотно являлись на сход, когда на нем предполагается привлечение к отбытию повинностей. Охотно идут, когда узнают, что результатом сходки будет выпивка, или, когда не знают, что будет обсуждаться на сходе, предполагая, что будет интересное» [5, Л. 3]. Такое поведение селян вполне традиционно для крестьянской психологии. Сход – это событие, дающее, с одной стороны, ощущение собственной значимости, с другой – требующее исполнения не всегда приятных решений.

Из свидетельств очевидцев следует, что на сходах крестьяне держали себя вольно, если нет начальства, ругались, и непозволительные слова здесь были не редкость [2, Д. 1102, Л. 4]. По наблюдению корреспондента из Елатомского уезда Тамбовской губернии: «Обычное галдение на сходе уменьшается, когда на нем присутствует земский начальник или старшина. На волостных сходах, в виде общего правила, крестьяне держат себя значительно лучше» [21, с. 32]. Присутствие на сходе человека из высшей среды, что было нечасто, стесняло крестьян. «Они не высказывали того, что действительно желали, а демонстрировали солидарность с мнением этого человеком» [2, Д. 1102, Л. 4]. Такая видимая сговорчивость не всегда была искренней. Крестьяне предпочитали не высказывать своих истинных мыслей. Видимая покорность подчас просто скрывала до поры до времени подлинные намерения крестьян. Наверное, поэтому для многих был необъясним этот переход русского мужика от смирения к бунтарству.

Общинная помощь – одно из самых любопытнейших и поучительных явлений деревенских будней. Она регулировалась целой системой норм поведения. Ее истоки уходили в первобытные формы хозяйствования, когда труд членов общины сообща органически соединялся с равным дележом продукта. Бытование различных форм сельской взаимопомощи в течение длительного времени – свидетельство соответствия их содержания духовно-нравственным традициям русского села.

В русской деревне изучаемого периода продолжало существовать такое явление как мироплатимые надель. Это означало, что община брала на себя оплату всех податей и выполнение повинностей, которые полагались за пользование этой землей. У государственных крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии такие надель выделялись по решению схода вдовам. В этом же уезде из общественных хлебных магазинов по решению совета стариков выдали беспомощным старикам и малолетним сиротам хлеб на весь год [7, с. 73]. Система деревенского призрения выражалась также в выдаче безвозмездной ссуды, выделении участка в общественном лесу, отводе земли для постройки дома и под огород.

Оказание помощи нуждающимся жители села воспринимали как дело богоугодное и как народную традицию, освященную жизнью предыдущих поколений. «Безусловно, обязательно для крестьян помочь для себя не считают, но нравственная обязанность так глубоко ими осознается, что отказа в помощи почти не бывает. <...> Да и всякий помнит, что и он когда-нибудь сам будет нуждаться в помощи» [2, Д. 1106, Л. 5]. Помощь в селе оказывалась при выполнении неотлож-

ных сельскохозяйственных работ, постройке сгоревшего дома, перевозке строительных материалов, организации похорон и т. п. [19, с. 129]. Если решение о помощи принимал сход, то участие в ней считалось для общинников делом обязательным, и уклонение было практически невозможным в силу общественного мнения [13, с. 471–472].

Формой сельской взаимопомощи являлась толока – родственная и соседская помощь в работах, которые требовали большого количества рабочих рук и были ограничены во времени. К ней крестьяне прибегали, когда хозяйство не могло самостоятельно справиться со срочной, но необходимой работой. Писатель Н.Н. Златовратский, долгие годы проживший в деревне, выделял следующие виды «помочей»: без угощения и с угощением. Первая была более распространена в среде родственников и использовалась при возведении пристройки, возке навоза, косьбе и жатве. К помощи соседей и однообщественников селяне прибегали при строительстве избы, возке леса, кирпича и т.п. В обязанность домохозяина, приглашавшего на толоку (супрядки), входило накормить работников до и после работы, по возможности обильно и обязательно с выпивкой [10, с. 344]. По сообщению Кондрашева, информатора Этнографического бюро из Тамбовской губернии, «...обычай помогать в полевых и других работах, а также при вывозе леса для крестьянских построек весьма распространен. Условия: утром накормить завтраком и поднести водки; по окончании работы накормить обедом и угостить водкой. Не ходить на “супротку” (так называли помощь) не могут, так как соседи осудят и самому когда-нибудь потребуются созывать “супротку”» [2, Д. 2033, Л. 16]. Женщины также часто приглашали своих подруг для рубки и квашения капусты, прядения и трепания льна и конопли, чесания шерсти.

С развитием товарно-денежных отношений в русской деревне бескорыстная помощь постепенно уступала место найму. Однако меркантильные интересы не могли вытеснить традиционные формы крестьянской взаимопомощи, имевшие в своей основе принципы христианской морали. В годы тяжелых испытаний, будь то голод или война, сельская солидарность, взаимовыручка, искренняя готовность прийти на помощь ближнему проявлялись в русской деревне с особой силой. Так, в самом начале Первой мировой войны на селе широко применялась «мирская помощь». Собственно урожаем 1914 г. был спасен благодаря мирскому «удару». На сельских сходах повсюду выносились приговоры относительно запашки и уборки полей в пользу семей мобилизованных на фронт. После повторной мобилизации вместе с громадным сокращением рабочих рук в деревне мирская помощь ослабела и к 1916 г. почти сошла на нет. На первое место стала выдвигаться иная бытовая форма крестьянской самоорганизации – «вольная», соседская и родственная [15, с. 40]. Возрождение в период войны традиционных форм крестьянской взаимопомощи являлось реакцией деревни на возникшие хозяйственные трудности, обусловленные изменением соотношения мужских и женских рабочих рук в семье. В нормальных условиях крестьянская семья – это рабочая пара 1:1, но война изменила это соотношение 1:1,6, что толкало крестьян к объединению рабочих рук двух-трех семей [15, с. 41].

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что значительная часть крестьянских «помочей» определялась общинной функцией социальной защиты своих членов. По сути это была взаимопомощь, рассредоточенная во времени и по различным видам деятельности между крестьянскими семьями, когда оказывающий помощь и получающий ее постоянно менялись местами. Только с ее использованием в условиях слаборазвитых товарно-денежных отношений крестьянам удавалось преодолевать трудности в тяжелой борьбе с природой и социальными катаклизмами.

Понятия «семья», «двор», «семейство», «хозяйство» применительно изучаемого периода были тождественными: они означали совокупность близких родственников, живущих вместе и ведущих одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался хозяином (большаком). В один двор несколько брачных пар объединяла совместная трудовая деятельность при наличии неразделенного имущества, которым управлял домохозяин. В русской деревне конца XIX – начала XX в. преобладающими были два типа семей: составная (преимущественно отцовская) и малая, или нуклеарная, семья. Патриархальная семья как явление традиционного общества в условиях модернизации претерпела значительные изменения.

До отмены крепостного права в деревне преобладала составная крестьянская семья. Сельские семьи были, как правило, многочисленные. Например, в 1857 г. семья включала в среднем в Воронежской губернии 9,6 человек обоего пола, Курской – 9,1, Тамбовской – 9,0 [13, с. 225]. Во второй половине XIX в. численность сельской семьи уменьшается. Если в 1858 г. средняя численность крестьянской семьи в Воронежской губернии составляла 9,4 чел., то в 1884 г. – 6,8, а в 1897 г. – 6,6 [22, с. 5]. Аналогичная тенденция по снижению средней численности крестьянских семей отмечена и в других губерниях региона.

Крупная семья представляла собой своеобразную форму трудовой кооперации, половина ее численного состава были работниками. Поэтому такие семьи чаще всего являлись зажиточными. Многосемейность придавала крестьянскому хозяйству устойчивость и выступала залогом экономического благополучия. Так, по сведениям за 1889 г., глава многочисленного семейства, крестьянин д. Грязнуша Больше-Лазовской волости Тамбовского уезда И.Я. Золотухин обладал 703 дес. земли, владел 6 домами и 16 нежилыми постройками, держал лошадей – 40 голов, коров – 30, свиней – 90, имел 7 плугов, 30 железных боронок, 3 сеялки и 2 молотилки [6, Ф. 143, Оп. 3, Д. 46, Л. 5].

Крестьяне видели четкую связь количества работников в семье с ее хозяйственной состоятельностью. Отмечая преимущества большой семьи, они говорили, что если в «семье мелкой умрет хозяин, то все пойдет прахом». Очевидно, в их глазах многочисленность семьи выступала гарантом от ее разорения. Действительно, в малой семье смерть одного работника автоматически вела к расстройству хозяйственной жизни, в то время как в большой это не отражалось на благосостоянии крестьянского двора. Знаток русского села, писатель А.Н. Энгельгардт в известных письмах из деревни сообщал: «Крестьянский двор зажиточен, пока семья велика и состоит из значительного числа рабочих, пока существует какой-нибудь союз семейный, пока семья не разделена и работы производятся сообща. Обыкновенно это союз держится, пока жив старик, и распадается со смертью его» [23, с. 177].

Патриархальная семья представляла собой уменьшенную копию общины. В составной семье воспроизводились патриархальные отношения с присущим им авторитаризмом и общностью имущества двора. Здесь отношения строились на безоговорочном подчинении младших членов семьи старшим, а власть хозяина над домочадцами была абсолютной. В жизни неразделенных семей наглядно прослеживалась преемственность поколений, непосредственность в передаче опыта от отцов к детям. Глава двора стремился оградить семейную повседневность от всего, что могло бы нарушить привычный уклад, изменить традиции, ослабить его власть. Поэтому домохозяин в такой семье противился обучению своих детей, неохотно отпускал сыновей в дальний промысел, старался не допустить выдела [3, с. 190].

В силу развития товарно-денежных отношений в российской деревне, ослабления патриархальных устоев сельского быта, роста крестьянского индивидуа-

лизм происходил процесс численного роста малых семей, которые и стали к началу XX в. главной формой семейной организации русского крестьянства. Глубинные изменения, связанные с модернизацией традиционного общества, вызвали к жизни тенденцию дробления крестьянских дворов. Деревню, образно говоря, захлестнула волна семейных разделов. Этот процесс, имевший объективную природу, продолжался с начала 1880-х по конец 1920-х гг. и привел к тому, что патриархальная семья уступила место семье нуклеарной. В контексте поставленной проблемы эти перемены в жизни русского села носили принципиальный характер.

Большая патриархальная семья постепенно уходила в прошлое. Благочинный Щацкого округа в рапорте, направленном в Тамбовскую духовную консисторию (1894 г.), сообщал, что «теперь редко можно встретить семью из трех-четырех братьев» [6, Ф. 181, Оп. 1, Д. 1835, Л. 576]. «Ныне перевелись семьи в 20–30 человек, состоящих из деда, его 3–4 сыновей, внучат и правнучат», – с сожалением признавал священник И. Покровский, автор монографического описания с. Раево Моршанского уезда Тамбовской губернии [20, с. 1357]. Корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева также были единодушны в своих утверждениях о том, что «больших семей мало», «семьи преимущественно малые» и т. п. [4, с. 181].

Одна из причин семейных разделов проистекала из самого характера общинного землепользования. Периодические земельные переделы провоцировали процесс дробления крестьянских хозяйств. На эту закономерность обратили внимания специалисты из земского отдела МВД, авторы аналитического доклада «Исторический очерк законодательства о семейных разделах (1861–1905 гг.)». В нем говорилось: «Наблюдается прямая зависимость: чем чаще переделы, тем сильнее семейные разделы. Это объясняется тем, что при переделах земля разверстывается и на неотделенных членов семьи. Считая эту землю своей, а не отцовскою, сыновья при первой же возможности стараются выделить ее в особое хозяйство, обыкновенно довольно слабое, так как у них нет достаточной рабочей силы и необходимого инвентаря» [16]. Анализ данного документа и подготовительных материалов к нему дает основание сделать вывод о достоверности данного вида источника. Стремление сыновей выйти из-под опеки отца-домохозяина было вполне закономерным. В жизнь вступало новое поколение крестьян, которое в отличие от своих предшественников не испытывало особого пиетета перед традиционными установлениями.

Свою роль в возникновении и развитии этой тенденции сыграли как рост крестьянского правосознания, так и деятельность волостных судов. Часть молодых семей, желавших вести хозяйство самостоятельно, не удовлетворялись отказом сельского схода и подавали ходатайства о семейном разделе в волостной суд. В некоторых случаях, выходя за пределы своей компетенции, суды удовлетворяли подобные притязания. Тем самым они объективно подрывали патриархальные устои крестьянской семьи, зарождая, пусть призрачную, но возможность осуществить раздел без согласия домохозяина и одобрения схода.

Серьезным испытанием прочности патриархальной семьи являлось отходничество и, как следствие, возросшая мобильность сельского населения. В конце XIX в. в 50 губерниях Европейской России побочные промысловые занятия имели 5 029,9 тыс. чел. или 7,2 % общей численности сельского населения. Крестьянский отход в исследуемых черноземных губерниях был развит в меньшей мере, чем в промысловых губерниях. В 1888 г. в Тамбовской губернии крестьянам было выдано около 200 тыс. паспортов [18, с. 260]. По данным за 1898 г. в Тамбовской губернии отходники составляли 4,8 % всего сельского населения [14, с. 2].

Отход служил увеличению совокупного дохода крестьянской семьи, пополняя семейный бюджет денежными поступлениями от работ на стороне. Сезонная

трудова́я миграция расширяла экономическую базу крестьянского хозяйства. В этом выражалась стратегия снижения риска путем диверсификации крестьянского хозяйства, при котором денежный заработок поддерживал натуральное хозяйство, в то время как последнее страховало семью от внутренней неустойчивости первого. Наряду с тем, что сторонние заработки придавали крестьянскому хозяйству определенную хозяйственную устойчивость, следует обратить внимание и на иные последствия крестьянского отхода.

Отхожий промысел членов семьи существенно подрывал позиции большака. Длительное отсутствие отходников вне пределов крестьянского мира ослабляло родительский контроль. Крестьяне в черноземных деревнях стремились не отпускать членов своих семей на слишком дальние расстояния, стараясь найти им работы вблизи дома. Если же отец и отпускал сына на заработки, то брал с него клятву, что тот будет жить честно, а вырученные деньги отдаст семье. Холостых парней перед уходом из деревни спешили женить [12, с. 43].

Несмотря на жесткое требование большака работать на «общий кошель», отходникам удавалось скрыть часть заработка, что, в свою очередь, выступало первоначальным капиталом для самостоятельного ведения хозяйства. Утаивание отходниками части заработка на свои личные потребности и на нужды своей семьи, по свидетельству старожилов, было одной из причин семейных конфликтов и последующих разделов. По наблюдению статистика Н. Романова, автора монографического описания с. Каменка Тамбовской губернии, «большое количество молодых крестьян оставляют временно деревню и возвращаются с изменившимися понятиями и наклонностями, с ослабевшими родственными чувствами, в большинстве случаев заводят свое отдельное хозяйство» [17, с. 161].

Оценки влияния отходников на сельскую повседневность представителями разных слоев деревни схожи. Тамбовский помещик Н.В. Давыдов считал, что «возвращавшиеся домой крестьяне вносили в сельскую жизнь понятия, далеко не всегда желательные, радикально расходившиеся с прежними воззрениями» [8, с. 30]. О пагубном влиянии на патриархальные устои крестьянской семьи отходников сообщали в своих рапортах сельские приходские священники Тамбовской епархии. Они, в частности, писали: «Побывал паренек в Питере, стал другим человеком»; «Авторитет родителей над детьми ослабевает»; «Молодое поколение, возвратившись с заработков, стремится отделиться» и т. п. [6, Д. 2076, Л. 25об, 30об, 69об].

Возвращение со службы сыновей выступало причиной для семейных конфликтов. Выяснение братских отношений часто строилось на основе словесной перепалки типа: «Мы за вас служили», а «мы за вас работали» [20, с. 1359]. Солдатская служба существенно меняла вчерашних сельских парней. Вырванные из привычной среды, они быстро усваивали новые взгляды, иные нормы поведения. Для многих, вернувшихся со службы, земледельческий труд утрачивал былую привлекательность, и они уходили в города на заработки. Сказывалась и длительная оторванность от приходской жизни. Местные священники в своих рапортах в епархию сообщали, что бывшие солдаты не соблюдают постов, уклоняются от исполнения религиозных треб, ведут непотребные речи [6, Д. 2076, Л. 66, 69, 75].

Другой весомой причиной семейных разделов являлся крестьянский быт. К распаду крестьянского двора вели семейные ссоры, неурядицы, дразги и т. п. «У нас все разделы от баб», – говорили старики в деревне [10, с. 283]. Сельские жители и сами прекрасно понимали все «минусы» составной семьи. Вот суждения крестьян по этому поводу: «Тесно жить молодым женам, да ведь три горшка в печь не влезут»; «Две-три снохи могли устроить из семейного очага крошечный ад» [9, с. 118]. По сообщению корреспондента этнографического бюро А. Петрова в Больше-Избердеевской и Шехманской волостях Липецкого уезда Тамбовской

губернии причинами к семейным дележам являлись по преимуществу бабьи дрязги, ссоры между братьями вследствие недобросовестного отношения некоторых членов семьи к труду, их пьянство и расточительство [2, Д. 2037, Л. 2]. К другим причинам семейных разделов следует отнести снохачество, появление мачехи или отчима, эгоизм старшего брата [10, с. 339].

Хозяйственная деятельность большой семьи создавала множество причин для братских ссор, нередко доходивших до драки. Как правило, инициатива по разделу двора исходила со стороны младшего малосемейного брата («чтоб не кормить чужих детей»). Пьянство, леность, мотовство главы семьи или одного из братьев также выступали весомыми аргументами для решения об имущественном разделе. Так, при выяснении волостным старшиной Барышниковым причин самовольных разделов во 2-м Сосновском обществе Тамбовского уезда крестьянин Даниил Сизов в марте 1894 г. показал, что ушел от отца потому, что тот часто бывал нетрезвый и при этом буянил, нанося ему побои [6, Ф. 706, Оп. Д. 1. Л. 5об].

Особых правил раздела в деревне не было. Он производился по уговору, а спорные вопросы решались на основе жребия. Земельный надел определялся по числу душ мужского пола, имущество между братьями делилось поровну. Доля отца при разделе оставалась тому сыну, с которым он оставался жить. Этот сын должен был кормить и одевать отца до смерти, в случае смерти – похоронить и поминать его. Лишнюю долю в семейном имуществе брал себе и тот сын, который заплатил отцовские долги или подати, повинности, недоимку и т. п. за все семейство [2, Д. 1007. Л. 2]. Семейные разделы осуществлялись на основе обычного права. Согласие большака на раздел было обязательным, поэтому дробление двора чаще всего производилось после его смерти.

По положению от 19 февраля 1861 г. вопрос о семейных разделах находился в ведении сельского общества. Сельский сход, разрешая дележ, зорко следил за тем, чтобы вновь образованные хозяйства были платежеспособны. О разделах и выделах крестьянского имущества составляли письменный общественный приговор с подробным перечнем подлежащих разделу предметов крестьянского хозяйства и с точным указанием и оценкой имущества, определенного каждому из разделившихся семейств [2, Д. 2037, Л. 3]. Сельские сходы весьма часто не допускали разделы из боязни, что разделившиеся не будут в состоянии платить податей в ущерб всему обществу. Исключение составляло пьянство и нерадение большака, ведущее к хозяйственному упадку двора. Как показывает анализ, крестьяне считали раздел своим семейным делом. Из 303 149 разделов, произошедших за 20 пореформенных лет в России, сходами было разрешено только 12,8 % [1, с. 24].

Стремясь укрепить общину и упорядочить процесс дробления крестьянских хозяйств, правительство издало закон от 18 марта 1886 г., по которому для осуществления раздела требовалось согласие не менее 2/3 домохозяев. Этот закон заметных последствий для жизни села не имел. Число санкционированных сходами разделов сократилось при увеличении количества разделов, осуществленных самовольно. В материалах губернских совещаний за 1894 г. отмечалось, что семейные разделы совершаются по местным обычаям, без согласия сельского схода. Таким образом, крестьянство, по сути дела, просто игнорировало правительственное решение, продолжая решать эту проблему на основе существующей традиции. Признав свое поражение, власть вынуждена была «вернуть все на круги своя». 5 октября 1906 г. закон был отменен.

Процесс дробления крестьянских дворов подрывал их хозяйственную состоятельность. «Непременным результатом раздела должна была быть бедность. Почти все нажитое идет при разделе на постройку новых изб, новых дворов, амбаров, овинов, пунь, на покупку новых корыт, чашек, ложек и плошек, – признавал писатель Энгельгардт. – Разделились “богачи”, и вот один “богачов” двор обыкновенно превращается в три бедные двора» [23, с. 181].

В результате таких разделов крестьянская семья мельчала. Демографическая ситуация обострила до предела проблему аграрного перенаселения. Темпы численного роста крестьянских дворов явно превосходили естественный прирост населения. К концу XIX в. процесс привел к уменьшению семейного состава дворов, переходу сельской семьи из рабочего союза в кровный. Вполне закономерно, что первой «жертвой» модернизации в русской деревне стала патриархальная семья. Кризис патриархальной семьи, начавшийся в 1880-е гг., обостряли такие факторы как образованность, степень занятости, состояние здоровья, употребление алкоголя. К концу 1920-х гг. традиция крестьянского общежития в форме патриархальной семьи была утрачена.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы. Носителем крестьянских традиций выступала община. Ее деятельность основывалась на совместной хозяйственной деятельности. Сельский сход как традиционный институт крестьянского самоуправления определял и регулировал различные стороны повседневной жизни жителей русской деревни. Под влиянием демографических процессов и возросшей мобильности сельского населения изменился состав сходов. Распределительный механизм земельных переделов, достигнув своего совершенства, в условиях аграрного перенаселения уже не мог реализовывать принцип равного доступа к земле. Разнообразные общинные формы социальной защиты и помощи выступали наглядным проявлением общественных идеалов русского крестьянства. Имущественное расслоение деревни, конфликт интересов затрудняли, но не исключали возможности принятия солидарных решений. Всякое давление на крестьянский «мир» извне неизменно вело к его консолидации. Кризисные явления, возникшие в общине под влиянием процесса модернизации, выступали лишь зримым проявлением ее адаптации при сохранении традиционных устоев.

Процесс модернизации сопровождался разрушением традиционных устоев патриархальной семьи. Семейные разделы стали следствием роста мобильности сельского населения, развития рыночных отношений, влияния городской культуры, семейных неурядиц и кризиса патриархальной власти. Дробление крестьянских дворов привело к омоложению состава сельских сходов. Конфликт поколений выступал зримым проявлением кризиса патриархального быта. Содержание семейной повседневности определялось существовавшей иерархией и половозрастным разделением труда. Воспитание детей в крестьянской семье заключалось в приобщении к православию, передаче социального опыта, выработке хозяйственных навыков, формировании поведенческих стереотипов.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Тамбовской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Крестьянская семья Тамбовской губернии конца XIX века: гендерные роли в контексте жизненных практик», проект 11-11-68003а/Ц.

Список литературы

1. Анфимов, А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1880–1904 / А.М. Анфимов. – М. : Наука, 1980. – 238 с.
2. Архив Российского этнографического музея. – Фонд 7. – Описание 2.
3. Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В.Б. Безгин. – М. ; Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. – 304 с.
4. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. На примере Владимирской губернии / Авт.-сост.: Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. – СПб. : Изд-во Европ. дома, 1993. – 472 с.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 586. – Описание 1. – Дело 120а.

6. Государственный архив Тамбовской области. – Фонд 181. – Описание 1.
7. Громыко, М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. – М. : Мол. гвардия, 1991. – 446 с.
8. Давыдов, Н.В. Из прошлого. В 2 ч. Ч. 2. / Н.В. Давыдов. – М. : Тип. Печатник, 1917. – 321 с.
9. Зарудный, М.И. Законы и жизнь. Исследования крестьянских судов / М.И. Зарудный. – СПб. : Тип. П отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1874. – 224 с.
10. Златовратский, Н.Н. Деревенские будни (очерки крестьянской общины) / Н.Н. Златовратский // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ю.В.Лебедев. – М., 1987. – С. 236–380.
11. Исаев, А. Значение семейных разделов. По личным наблюдениям / А. Исаев // Вестн. Европы. – 1883. – Кн. 7. – С. 32–65.
12. Крюкова, С.С. Брачные традиции южнорусских губерний во II половине XIX в. / С.С. Крюкова // Этнограф. обозрение. – 1992. – № 4. – С. 41–49.
13. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) В 2 т. Т. 1. / Б.Н. Миронов – СПб. : Дмитрий Булавин, 2000. – 548 с.
14. Моллесон, И.И. Краткий очерк некоторых данных об отхожих промыслах в Тамбовской губернии в 1899 г. / И.И. Моллесон. – Тамбов : Губерн. Зем. тип. на углу Большой и Араповской улиц, 1901. – 149 с.
15. Огановский, Н.П. Индивидуализация земледелия в России и ее последствия / Н.П. Огановский. – М. : Тип. Сомовой, 1914. – 98 с.
16. Российский государственный исторический архив. – Фонд 1291. – Описание 50. – Дело 32. – Лист 56об.
17. Романов, Н. Село Каменка и Каменская волость Тамбовского уезда : Особое прибавление к «Сб. стат. сведений по Тамбов. губернии» / Н. Романов. – Тамбов : Изд. Рязан. Губерн. Земства, 1886. – 166 с.
18. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. В 19 т. Т. 2. Среднерусская черноземная область / под ред. В.П. Семенова. – СПб. : Изд. А.Ф. Девриена, 1902. – 762 с.
19. Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. 1 / под ред. Ф.Л. Барыкова [и др.] – СПб. : Типолитография А.М. Вольфа, 1880. – 393 с.
20. Тамбовские епархиальные ведомости. – 1898. – № 50.
21. Тенишев, В.В. Административное положение русского крестьянства / В.В. Тенишев. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1908. – 164 с.
22. Федяевский, К.К. Крестьянская семья Воронежской губернии по переписи 1897 г. / К.К. Федяевский. – СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. – 21 с.
23. Энгельгардт, А.Н. Из деревни (Письмо седьмое) / А.Н. Энгельгардт // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ю.В. Лебедев. – М., 1987. – С. 146–235.

Peasant Family and Rural Communities in Late XIX – Early XX Centuries (on Materials of Tambov Province)

V.B. Bezgin, P.V. Erin

Department "History and Philosophy, TSTU; vladika62@mail.ru

Key words and phrases: community; daily life; family partition; farm; gathering; peasants; seasonal work; village.

Abstract: The paper presents the analysis of rural self-government in the Russian countryside in late XIX – early XX centuries. The essence of social functions of rural communities has been revealed. The effect of the process of economic conflicts of the everyday life of a peasant family has been examined.

Bauernfamilie und Landgemeinde der Ende des XIX. – des Anfanges des XX. Jahrhunderts

Zusammenfassung: Es ist die Analyse des Zustandes der ländlichen Selbstverwaltung des russischen Dorfes in der Ende des XIX. – am Anfang des XX. Jahrhunderts angegeben. Es ist den Inhalt der Sozialfunktionen der Landgemeinde geöffnet. Es ist die Einwirkung des Prozesses der Wirtschaftsteilungen auf die Alltäglichkeit der Bauernfamilie erlernt.

Famille paysanne et commune rurale de la fin du XIX-ème et du début du XX-ème siècles (sur les matériaux de la province de Tambov)

Résumé: Est donnée l'analyse de l'autoadministration du village russe de la fin du XIX-ème et du début du XX-ème siècles. Est découvert le contenu des fonctions sociales de la province rurale. Est étudiée l'influence du processus des partages des exploitations sur la vie de tous les jours de la famille paysanne.

Авторы: *Безгин Владимир Борисович* – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия»; *Ерин Павел Викторович* – аспирант кафедры «История и философия», ФГБОУ ВПО «ТГТУ».

Рецензент: *Слезин Анатолий Анатольевич* – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и философия», ФГБОУ ВПО «ТГТУ».
